

I. Ревизионисты в безвыходном положении?

Процесс изучения прошлого России переживает поворотный момент. И цель предлагаемой статьи - рассмотреть влияние, которое недавние политические и интеллектуальные изменения оказывают на изучение революции. Многие ждут, что постсоветская эра откроет путь к более глубокому пониманию того, что произошло в 1917-м. В течение семи десятилетий дискуссии о русской революции 1917 г. основывались на расхождении между теми, кто защищал и превозносил победу большевиков, с одной стороны, и теми, кто ее не принимал, с другой. Теперь, наконец, чрезмерная политизация и горькая полемика о революции должны уступить место конструктивным научным попыткам исследования сделавшегося доступным архивного материала в надежде пойти дальше достигнутого, восстановить более полную картину драматических событий и изучить их значимость. В перспективе можно говорить, что есть предпосылки к достижению этого, и уже существуют обнадеживающие примеры. Но есть реальная опасность, что вновь возникнет ситуация, когда нас уведет к тупик, и мы будем вынуждены снова вступать в старые битвы, которые, казалось, мы уже выиграли. Рассматривающая широкий спектр дискуссий о революции в период с 1917 по 1980-е *тт.* и фокусирующая внимание на ведущих течениях в современной историографии, данная статья призвана прозвучать своеобразным предупреждением против этой опасности.

Русским читателям хорошо известно, что большевистский режим, порожденный революцией, основывал свои претензии на законную власть особой интерпретацией событий Октября. Сформулированная в 1930-е гг., эта интерпретация характеризовала революцию как величайшее событие мировой истории, открывавшее новую эру в истории человечества и осветившее путь, идти которым ему было предназначено свыше. Она базировалась на учении, слепленном из цитат Маркса и Ленина, известном как марксизм-ленинизм. Она рассматривала революцию как закономерный процесс, главное доказательство материалистического анализа исторической науки как истории развития человека и его производительной силы. Она объявляла революцию результатом накаленной до предела классовой борьбы, связанной с развитием капитализма, который столкнул буржуазию, контролирующую средства производства, и пролетариат - класс, призванный установить социализм. И эта интерпретация ставила в центр событий ленинскую "партию нового типа", партию большевиков, вооруженную научной теорией революционного марксизма. Это была партия, стоявшая во главе трех революций, кульминационно завершившихся в октябре 1917 г. Это была партия, вскрывшая лживую сущность как правящего класса, так и своих мелкобуржуазных соперников, мнимых "социалистов" в лице меньшевиков и эсеров, это была партия, воспитавшая в авангарде пролетариата классовое сознание и понимание природы капиталистических отношений и революционного процесса, и это была партия, организовавшая массовые выступления, которые привели к свержению Временного правительства. Такова была основная идея традиционной советской интерпретации.

Эта традиционная советская точка зрения развивалась и изменялась со временем. В постсталинский период, а затем в 1970-е и 1980-е *тт.* горстка храбрецов смогла опубликовать работы, которые бросали вызов некоторым основным положениям². Число опубликованных архивных источников и документов значительно выросло, что способствовало более детальному и глубокому осмыслению прошлого³. Но основная марксистско-ленинская концепция не претерпела изменений, и на протяжении семи десятилетий именно она обуславливала предмет дискуссии за рубежом. Это происходило не потому, что ее принимали за пределами СССР. Дело в том, что именно историки, придерживающиеся ее, используя определенным образом подобранный архивный материал, опубликовали огромное число исследований и на основе традиционного марксистско-ленинского подхода

*Эктон Эдвард, профессор современной европейской истории, университет Восточной Англии, Великобритания.

представили свое видение *мировой* истории, бросавшее вызов принятым на Западе взглядам. Историки Запада отдавали всю свою энергию, противостоя утверждениям своих советских коллег, разоблачая слабые места советской точки зрения и пытаясь представить свою особую концепцию, противоречащую всем основным тезисам оппонентов. Абсолютно не будучи закономерной, утверждали они, революция была скорее результатом цепи чрезвычайных событий. Царь мог бы быть мудрым и способным политиком, а не тем неадекватным,

зависимым и неспособным политическим простаком. Первая мировая война могла и не разразиться в такой важный момент процесса модернизации в России, и этот процесс мог взять другой курс и не вовлечь страну в состояние ужасной экономической и социальной разрухи. Временное правительство, пришедшее к власти в феврале, могло быть возглавлено не такими некомпетентными, идеалистичными, наивными либералами. И Россия могла бы пойти по демократическому пути развития, если бы эта идея поддерживалась, а не полностью подрывалась догматичными лидерами меньшевиков и эсеров. Эти узко мыслящие идеологи согласились на коалицию с либералами, но продолжали выступать за денонсирование войны, осуществлять нападки на принципы частной собственности и подрывать авторитет офицеров, владельцев предприятий и чиновников в глазах масс. И все бы могло повернуться совершенно по-другому, не будь у экстремистски настроенной революционной интеллигенции столь безоглядного стремления к власти, не манипулируй она массами простых русских людей, проповедуя свои фантазии о классовой борьбе, советской власти и социализме, и не приди она к решению свергнуть законное правительство посредством заговора и применения силы. Таков был традиционный взгляд западных историков⁴.

Только в 60-е годы значительное число зарубежных историков стало отходить от традиционной западной интерпретации. Эти молодые историки - хотя и именовавшиеся "ревизионистами" - на самом деле не имели общей философии истории и расходились во мнениях по целому ряду вопросов - отвергали тенденциозный традиционный подход, считая его плодом не исторического анализа, а порожденной "холодной войной" ненависти ко "всему левому" и в особенности к советской системе. Они рассматривали революцию "снизу", перемещая центр внимания от фигур царя, Милюкова, Керенского, Церетели и Ленина к переживаниям и стремлениям рабочих, солдат и крестьян. Делая это, они одинаково бросали вызов и традиционной западной, и советской концепциям. Они уделяли особое внимание социальной поляризации общества и объективным процессам, которые активизировали массы и привели к уничтожению царизма, русского либерализма и умеренных социалистических партий. Они изучали, каким образом опыт низов - произвол и земельный голод, от которого страдали крестьяне, презрительное отношение *офицеров* и жестокие условия, в которых находились солдаты, и жесткий, авторитарный порядок на заводах и фабриках, от которого страдали рабочие, - способствовал радикализации настроений и росту критического отношения к существующему положению. Ревизионисты делали акцент на постепенное распространение грамотности, расширение кругозора, растущее чувство собственного достоинства в низших слоях и на то, как это побудило массы восстать против угнетения, против незащищенности и унижений, уготованных им при царской власти. Они уделяли огромное внимание рабочему вопросу и пытались показать, как отсутствие гражданских и профессиональных прав у рабочих заставляло их постоянно вступать в конфликт с государством, и как распространялось понимание того, что только добившись политических перемен, рабочие смогут существенно улучшить условия своей жизни. Таким образом, эти исследования ревизионистов отвергали традиционный на Западе упор на фактор случайности, неспособность к управлению страной царя, либералов и умеренных социалистов и автономию политики в целом. По той же причине они отрицали значение революционной интеллигенции. Они указывали на то, что и на Западе имелись экстремистски настроенные интеллектуалы, проповедовавшие классовую борьбу, революцию и социализм, но там эти идеи не нашли массовой поддержки. То, что это произошло в России, нельзя объяснить ни гениальностью, ни решительностью, ни беспощадностью, ни способностями к одурачиванию масс у русской интеллигенции. Это произошло потому, что интеллигенция выражала настроения и устремления, появившиеся у рабочих и крестьян благодаря приобретенному опыту. В глазах ревизионистов это и было причиной, объясняющей, почему радикально настроенная интеллигенция приобрела массовую поддержку, и именно эта поддержка, по их мнению, а не выдающиеся организационные способности или тактический гений помогли Ленину и его соратникам прийти к власти⁵.

К середине 80-х "ревизионистская" интерпретация была поддержана большинством западных специалистов. В западных университетах, в списках литературы, которые предла-

гались студентам, преобладали книги и статьи "ревизионистов", и те выводы, к которым мы студентов пытались подвести, были пропитаны духом ревизионизма. Росло число положительных отзывов советских историков на работы ревизионистов⁶. Защитники традиционной западной концепции, число которых постоянно сокращалось, заняли оборонительные позиции, рискуя окончательно лишиться аргументов. Казалось, что основная работа и дальше будет вестись в этом ревизионистском направлении, и уже наряду с многочисленными

исследованиями о Петрограде начали появляться работы о революции в Москве, Саратове, Баку, Латвии⁷. И в целом, все выводы, делавшиеся по любому вопросу, несли в себе отражение ревизионистских идей: чтобы понять причины Октябрьской революции, необходимо осознать, что политические, социальные и экономические условия в Российской империи привели к росту недовольства в массах и появлению настроений, с которыми царский режим уже не в состоянии был справляться; что Первая мировая война и Временное правительство вели рабочих, крестьян и солдат по пути отрицания старого порядка, и именно потому, что большевикам удалось так хорошо выразить настроения масс и тем самым обрести ту поддержку, которую они имели, они и пришли к власти к Октябрю.

Однако с середины 1980-х гг. произошли серьезные перемены в историографии революции. Все рамки, в которых дискуссии развивались и оформлялись, были пересмотрены, и то, что мы наблюдаем, есть не что иное, как возвращение к традиционному западному подходу. Этому способствовало несколько обстоятельств.

Во-первых, крах КПСС и распад СССР разрушили традиционный советский взгляд на революцию. Коммунистическая партия была ее движущей силой; ее духовной основой была идея необратимого и неуклонного движения советского государства от социализма к коммунизму. И вдруг Октябрь перестал быть началом новой, социалистической стадии в мировой истории. Внезапно лагерь традиционных западных историков лишился своего старого врага, марксизм-ленинизм был отвергнут в своем отечестве. Это неизбежно восстанавливало доверие к наиболее воинственно антисоветски и антимарксистски настроенным. И среди историков революции ими были не ревизионисты: ими были приверженцы традиционного западного подхода.

Распад Советского Союза оказал влияние на весь мир, но его воздействие, конечно, проявилось прежде всего в странах бывшего СССР и в самой России. Здесь это привело к яростному отрицанию всего советского - символики, памятников, номенклатуры, романов, фильмов, учебников, самого языка советской эпохи. Дух отрицания привел, по крайней мере поначалу, к сильнейшему идеологическому крену вправо, скачку через социал-демократические ценности к ценностям капиталистическим. В историографии в те годы с восторгом приветствовались не ревизионистские идеи, а полновесные традиционные западные интерпретации, переводы мемуаров либералов и правых. Самые большие симпатии отдавались не Бухарину, не Церетели или Чернову и даже не Керенскому, а Милюкову и даже Столыпину.

Более того, распад СССР произошел в момент, когда на Западе доминирующее политическое и идеологическое влияние имели правые силы. Правительства Рейгана и Тэтчер - отражение этого преобладания. Идеи коллективного действия, коллективной собственности и государственного вмешательства отступали перед победным маршем проповедующих свободный рынок и индивидуализм собственника идей. Трудно было представить более показательную демонстрацию предполагаемого превосходства рынка над планом и индивидуализма над коллективизмом, чем крах советской системы, произошедший как раз в тот самый момент. Что касается историографии, то здесь это влияние проявилось в ее уклоне вправо и восстановлении доверия к традиционным западным подходам после длительного периода упадка в эпоху расцвета ревизионизма.

Таким образом, и события в странах бывшего Советского Союза, и политическое преобладание правых в США и Великобритании вели к смещению баланса интеллектуальных сил, а в историографии революции - к поддержке традиционного западного подхода. Но это еще не все. В это же время культурные изменения на Западе вели к тому же. Интеллектуальная жизнь Запада протекала под влиянием так называемых постмодернистских идей. В целом, историки Запада менее, чем историки России и Восточной Европы, были подготовлены к борьбе с постмодернизмом. На недавней конференции в Великобритании полный энтузиазма литератор - постмодернист пытался объяснить суть этого течения британскому историку: термин "постмодернизм", говорил он, определяет широкое направление мысли, которое ставит под вопрос всю традицию Просвещения - веру в науку, разум, дедукцию и индукцию; которое пытается относиться ко всему - каждому

70

факту, событию, утверждению - как к тексту, который можно прочитать тысячей разных способов; которое ставит под сомнение нашу способность что-либо знать; которое не признает причин, следствий или синтеза и отказывается принять, что одно объяснение лучше другого. Историк просто ответил, что не хотел бы полететь на постмодернистском самолете.

Историки, в большинстве своем, очень долго пытались игнорировать идейное течение, в той или иной форме отрицающее систему доказательств, различие между объективным и

субъективным и саму возможность понять прошлое, что противоречит классической исторической науке, и в самом радикальном варианте отрицает изучение прошлого вообще. Но постепенно историки были вынуждены уделить внимание если не самому постмодернизму, то идейным течениям, близко с ним связанным. Это осложнило интеллектуальное отступление левых на Западе. В некотором смысле это парадоксально, поскольку существует тенденция к тому, что скорее интеллектуально раскрепощенные историки, чем традиционалисты, с большим желанием участвуют в дискуссии по проблемам, поднимаемым постмодернизмом. В то же время в том, что касается изучения и массового восприятия революции, наблюдается противоположная тенденция, когда предпочтение отдается взглядам не *авангардных* историков и ревизионистов, а приверженцев традиционной западной интерпретации. Существует, в частности, три направления, по которым эти идеи способны оказать влияние на изучение русской революции.

Во-первых, они поставили под вопрос существование какой-либо разумной, логической истории человеческого прогресса. Они отвергли саму идею описания истории прогресса в терминах идей, институтов или действий, которые мы можем воспроизвести и установить. Они выражали скептицизм не только в отношении причин вообще, но особенно в отношении истории как рационального повествования о борьбе человека за существование. Безусловно, эти идеи вступают в противоречие с любым гегельянским, марксистским или христианским пониманием прошлого, но они также имеют тенденцию к подрыву и более скромных положений, лежащих в основе ревизионистских подходов к развитию настроений масс в Российской империи перед революцией. С другой стороны, если этот скептический, бесформенный, агностический подход так популярен среди наших студентов, им будет легче принять традиционные западные представления, что события 1917 г. были случайными, непредвиденными, зависели от обстоятельств и политической недалековидности, что это был счастливый билет большевиков.

Во-вторых, постмодернизм бросил вызов историческим подходам, делавшим акцент на объективные социально-экономические условия. Он отвергает всякие попытки рассмотрения социальных групп и страт, разделяя их по их объективной роли в обществе и общему происхождению. Он не выдвигает идею классов. И хотя постмодернизм очень мало говорит о том, что *можно* знать и анализировать, его негативизм и развенчание всех основных инструментов, на которых базируется социальный анализ, более разрушителен для ревизионизма, чем традиционный западный подход, оставивший в покое общественные категории и экономические вопросы.

В-третьих, и это направление, пожалуй, наиболее важно, - как на исторические споры повлияли течения в постмодернизме, отдававшие предпочтение дискурсивному в объяснении поведения человека, где на первое место выдвигался язык. Это подразумевало, что то, как люди думают, есть относительно автономная сущность, и она наделяет вещи смыслом. Это направление неперспективно для ревизионизма и играет на руку традиционной западной интерпретации революции.

Результатом этого влияния на Западе стал рост стремления среди историков революции сместить акценты от "классов" и политических структур к изучению идей, положений, языка, сознания, индивидуальности, суждений. Бывшие "ревизионисты" пересматривают свои работы 70-х и 80-х годов. Они постепенно отступают от позиции акцентирования на социальной структуре, различии интересов богатых и бедных, решающем влиянии жизненного опыта на сознание масс. Они начинают раскаиваться в недооценке важности факторов языка и идей. Алан Уайлдмен - редактор одного из ведущих американских журналов по истории России и автор лучшей работы о радикализации настроений среди солдат русской армии - осуждает себя за демонстрацию "определенной методологической наивности". Наиболее верные выводы, пожалуй, можно сделать, рассмотрев потенциальное воздействие этих идей на попытки изучения рабочего движения в предреволюционный период.

71

II. Рабочий вопрос

Три четверти века после революции 1917 г. внимание историков было приковано к вопросу о промышленных рабочих эпохи царизма. Составляя меньшинство работающего населения, они были объектом бесчисленных исторических трудов. Это происходило прежде всего и главным образом из-за той ведущей роли, которую отводили им историки марксистско-ленинского направления. Маркс считал, что "социалисты-утописты" ошибались, не признавая историческую роль пролетариата. Именно как авангард пролетариата Ленин представил свою революционную партию. Поэтому для советских историков рост и подъем рабочего движения

занимал центральное место в истории России перед Первой мировой войной. Это была модель, прототип того движения, которое однажды должно было изменить, перевернуть весь земной шар. С возрастанием численности, сплоченности и революционного сознания, росло и влияние русского пролетариата на все угнетенные классы. Это вело буржуазию, несмотря на всю ее заинтересованность в политических и экономических реформах, ко все более тесному союзу с самодержавием и бросало царскому режиму вызов, которому тот не смог противостоять. К моменту развязывания войны в 1914 г. выкованный своей партией-авангардом в непобедимую революционную силу пролетариат был выведен на единственно правильный путь, ведущий к победе сначала буржуазно-демократической, а потом и социалистической революции¹⁰.

Для традиционных западных историков это мнение было выдумкой, которую необходимо разоблачить. Они подвергали критике и попросту высмеивали как тезис, что рабочий класс выступал как политически сознательная движущая сила, так и то, что развитие капитализма в силу своей природы толкает рабочий класс на путь революции и социализма. Но, хотя они и отрицали решающую роль рабочего класса в царской России, они были вынуждены уделять внимание этому вопросу.

Они допускали, что существовали действительно мощные настроения протеста среди рабочих в 1905 г. Но эти настроения возникали скорее вследствие пагубного влияния революционно настроенных, фанатичных представителей интеллигенции, чем в результате неизлечимого социального конфликта, порожденного развитием капитализма. Более того, 1905 г. стал решающим поворотным пунктом, после которого восставшие рабочие, по примеру рабочих Центральной и Западной Европы, могли пойти по пути реформистских рабочих движений. Необразованные выходцы из деревни, оказавшиеся в новых для них условиях работы на предприятии, не принимали незнакомый порядок и оставались неуправляемыми, и до тех пор, пока тяжелые условия труда, типичные для раннего периода индустриализации, преобладали, рабочие не могли не принимать участия в стачечной борьбе. Но промышленное развитие постепенно дало бы средства для повышения заработной платы и улучшения условий труда и так же, как на Западе, лишило бы силы радикальное движение. Различия между группами рабочих продолжали бы расти, благоприятствуя появлению рабочей аристократии, не разделявшей апокалиптической мечты о революции. Более того, открывались пути для мирного решения вопросов путем переговоров между руководством и рабочими в рамках экономики частного предпринимательства. Раздавались голоса, хотя и немногочисленные, как в промышленности, так и в правительстве, в поддержку проведения совместных свободных переговоров. Было положено начало легализации профсоюзов, в 1912 г. был принят закон о страховании рабочих от несчастного случая и болезни. Подготавливалась легальная почва для создания рабочими своих профессиональных, культурных, досуговых организаций, через которые мог идти процесс их интеграции в общество. И только развязывание губительной войны взорвало этот мирно эволюционировавший процесс и, подвергнув рабочих мучительным материальным лишениям, пробудило стихийные волнения и беспорядки, мятежи, бунты, бесчинства в феврале 1917 г.^x

В 1960-1980 гг. русский рабочий вопрос оказался в центре внимания социальных историков - "ревизионистов". Основываясь на методах и подходах новой социальной истории, предложенных Э. П. Томпсоном в его книге "Формирование рабочего класса в Англии", они отрицали детерминистский подход к политизации рабочего класса. Для них основной задачей стало изучение рабочего класса не глазами образованной части общества и политиков, левых и правых, т. е. "сверху", но "снизу", с точки зрения их собственного опыта. Они пытались поставить вопрос о различиях внутри рабочего класса и исследовать взаимосвязь, соотношение между уровнем, происхождением, колебаниями недовольства и разнообразием опыта и переменами в промышленной рабочей силе¹².

72

Это привело их к отрицанию традиционной западной интерпретации и той точки зрения, что, если бы не война, не было бы и боевого рабочего класса. Даже если рассмотреть лишь один источник - статистику забастовок в предвоенные годы, утверждали они, трудно примириться с мнением, что протест рабочих становился менее интенсивным. Число потерянных из-за простоев рабочих дней и количество участвовавших в стачках рабочих стремительно росло с 1912 г. В 1914 г. стачечная борьба носила не меньший размах, чем в 1905 г. Более того, часть рабочего класса, более приверженная революционной борьбе, набирала вес и силу, как в относительном, так и в абсолютном смысле. Существовала некоторая взаимосвязь между крупными предприятиями (1000-1800 рабочих) и стачечной активностью, а число рабочих на заводах и фабриках с количеством от 1000 человек постоянно росло. Наиболее

воинственными и политически сознательными были рабочие-металлурги, а обязательства правительства увеличивать расходы на военные нужды позволяли поддерживать постоянный рост их числа. Более того, эпицентром борьбы рабочих стала столица. Поучителен пример различия между Москвой и Петербургом. В Москве, где в среднем фабрики и заводы были меньше, а рабочих численно превосходили ремесленники небольших мастерских, социальная поляризация не была столь сильной, а борьба рабочих -такой неистовой. Петербург, наоборот, отличался высочайшей концентрацией крупных предприятий, особенно металлургических заводов, и в 1914 г. в столице и ее пригородах насчитывалась почти половина всех бастовавших в империи рабочих. Если современный характер и концентрация рабочей силы в Петербурге, возможно, и были образцом будущего, то перспективы стабильности городской жизни были удручающими.

С ревизионистской точки зрения, не дают подтверждения традиционной западной концепции и мотивы, лежащие в основе волны забастовок. Статистика, собранная существовавшей в то время заводской инспекцией, разграничивая "политические" и "экономические" стачки, показывает растущее преобладание забастовок по политическим мотивам. К этой статистике нужно относиться с определенной долей критики, но нельзя не признавать, что инспектора скорее снизили бы, чем завысили процент политических забастовок. Стачки, вспыхивающие по определенным поводам, каковым был, например, расстрел на Ленских золотых приисках в 1912 г., или короткие забастовки в честь 1 мая, были явно политическими по своим мотивам. Но и на многих стачках, возникавших по поводу тяжелых условий труда и другим экономическим вопросам, выдвигались и политические требования. В действительности слияние экономических и политических задач, тот факт, что рабочие часто не проводили четкой границы между протестом против своих хозяев и протестом против правительства, не сулили ничего хорошего либералам, надеющимся направить недовольство рабочих в мирное, неполитическое русло.

Историки-ревизионисты признают, что политический протест против самодержавия сам по себе не является доказательством того, что рабочий класс стремился к политической революции, которая выходила бы за рамки либеральной демократии. Но они утверждают, что все данные говорят о том, что хрупкое, хотя в действительности и существовавшее, сотрудничество между либералами и рабочими в 1905 г. было уничтожено в предвоенные годы. Рабочие всюду твердо поддерживали социалистические партии - на выборах в Думу, в Советы по социальному страхованию, профсоюзные комитеты. Предвоенный период ясно свидетельствовал, что в борьбе социал-демократических фракций более экстремистски настроенные большевики и межрегиональная группа, а не умеренные меньшевики, набирали силу и мощь, расширяя социальную опору. Большевики победили в 6 из 9 рабочих курий на выборах в IV Думу в 1912 г.

Таким образом, ревизионисты не разделяют традиционную веру западных историков в то, что боевой дух русского рабочего класса постепенно угасал. Действительно, рабочее движение развивалось в тесной взаимосвязи с производственным циклом, достигая пика в борьбе за подъем производства и снижаясь вместе с массовой безработицей; растущая текучесть рабочих кадров в предвоенный период вела к усилению неустойчивости, колебаний рабочего движения. Но ревизионисты приходят к выводу, что сложно опровергнуть утверждение советских историков о том, что в России быстрое и успешное развитие промышленного капитализма не вело к воспитанию умеренности, традиций реформизма, ориентации на чисто экономические цели, а формировало политически сознательный пролетариат.

Подтекст, который под данным выводом подразумевается, менее очевиден. Был ли воинствующий дух рабочего класса порождением основного противоречия капитализма, или же сама ситуация в России была aberrацией, своеобразным отклонением от нормы, представленной Западной Европой? И если согласиться с последним выводом, то в чем

73

же было это основное, существенное отличие российского рабочего класса от западного?

На первый взгляд, весьма ясное объяснение воинственности русских рабочих лежит в ужасающих условиях, в которых они жили и трудились. Заработная плата была мизерной, и несмотря на некоторое ее повышение в отдельных отраслях в последние предвоенные годы, оставалась чрезвычайно низкой. Рабочий день, составлявший в среднем около 60 часов в неделю в 1914 г., был значительно длиннее, чем на Западе. Процент несчастных случаев на производстве был ужасающим. Закон о создании института фабричных инспекторов не оказал большого влияния на положение дел, а страховой Закон 1912 г. не ограждал человека от инвалидности, профессиональных заболеваний, нищенской старости и безработицы.

"Прелести" городской жизни, доступные рабочим - услуги в сфере транспорта, образования, здравоохранения, развлечений - были смехотворны, а условия проживания во многих городах -убоги, и продолжали ухудшаться. Более того, особенно крутые виражи русского промышленного цикла порождали нестабильность и текучесть кадров, и как следствие, сильные колебания уровня заработной платы. Русским рабочим, одним словом, было против чего выступать. Контраст между их жизнью и жизнью дворянско-предпринимательского общества предоставлял бесконечный материал для негодования и возмущения. Одних только лишений уже было достаточно, чтобы вызвать воинственные настроения.

В действительности, однако, сравнительный анализ ситуации в разных странах свидетельствует, что не всегда самые угнетенные и нуждающиеся являлись главной движущей силой протеста. Недовольство скорее не было связано с каким-либо абсолютным уровнем бедности, оно вызывалось снижением жизненного уровня и разочарованием в несбыточности растущих притязаний. И от того и от другого одинаково страдали различные группы рабочих перед войной. Широко распространенная практика сокращения зарплаты насаждалась в 1906-1909 гг., а порожденная войной инфляция мешала впоследствии восстановлению ее реального уровня. В то же время, введение более строгого административного надзора, сдельной оплаты труда, и, в некоторых случаях, более современного оборудования на производстве привели к резкому увеличению темпов работы. Однако, как показывают последние исследования западного, а особенно немецкого рабочего класса в предвоенный период, опыт российского рабочего класса ни в коей мере нельзя считать уникальным¹³.

Вторая группа аргументов указывает на быстрорастущий приток крестьянства в ряды рабочих как на ключевую причину воинственного духа рабочего класса. Основной тезис состоит в том, что, с одной стороны, это необразованное пополнение было дезориентировано переходом к городской жизни, и поэтому было неспособно к восприятию основных норм и требований дисциплины предприятия. С другой стороны, их опыт "несправедливой" жизни в деревне дополнялся опытом жизни в городских условиях и порождал особое чувство обиды, негодования, "удивительно изменчивое и динамичное затуманенное сознание, соединявшее возмущение крестьянина пережитками русского "феодализма" (т. е. крепостничества) и негодование пролетариата против капиталистической эксплуатации на предприятиях"¹⁴.

Действительно, в 1914 г. большинство русских рабочих сохраняли связь с деревней и очень часто, будучи членами деревенской общины, владели землей. Даже в Петербурге, где процент потомственных пролетариев был самым высоким, незначительное большинство рабочих разорвало свои связи с деревней. Не должно быть сомнений в том, что вновь набранные на работу в город выходцы из деревни, поддававшиеся коротким всплескам экстремистских настроений, добавляли быстро меняющийся и легко воспламеняющийся элемент в недовольство рабочего класса. Но мнение, что эти необразованные массы новых рабочих были решающим компонентом протеста, спорно.

Связи с семьей, деревней, районом, принцип землячества, который "сельские пролетарии" переносили в городскую жизнь, создавали систему общественных связей, которая, по меньшей мере, сглаживала их дезориентацию и склонность к нарушению закона. Более того, тот факт, что они не порывали с деревней, сохраняя участок земли, разветвленные семейные узы, на которые могли опереться, - снижал вероятность их вовлечения в волну протеста: у них было меньше мотивов взять на себя риск забастовок, чем у тех, чье будущее было связано только с городом. В самом деле, многие определяющие характеристики "сельского пролетария" -относительно низкий уровень квалификации, заработной платы, образования, и даже отмечаемая многими тенденция к более ранним бракам по сравнению с городскими собратьями, - казалось, ослабляли их способность к длительному протесту.

74

Важно и то, что несознательность вышедших из села слоев рабочего класса не компенсировалась ростом умеренности в рядах их более "пролетаризированных" товарищей. Наоборот, именно самые урбанизированные рабочие, имевшие высочайший уровень квалификации, образования и заработной платы, стояли на переднем фронте пролетарского движения. Практически не было признаков появления "рабочей аристократии" реформистского толка. Наиболее вероятными кандидатами на эту роль были типографские рабочие. Они были высококвалифицированными, исключительно высокооплачиваемыми, часто происходили не из крестьянских или рабочих семей и по природе своей деятельности были подвержены воздействию либеральной литературы, имели достаточно тесные взаимоотношения с интеллигентами-либералами. Но даже они твердо сохраняли лояльность по отношению к социалистическим партиям, и хотя, в основном, идентифицировали себя с меньшевиками, заметно

клонились влево в предвоенный период. Верно и то, что ремесленники в начальной стадии создавали ремесленные союзы и демонстрировали определенное корпоративное сознание - "сознание ремесленников". Но это не сопровождалось дерадикализацией и, в отличие от западных обществ, не вступало в конфликт с их чувством причастности к рабочему классу. Квалифицированные ремесленники, работающие в небольших мастерских, действительно играли руководящую роль, значение которой принижалось советскими исследователями, в формировании сознания рабочего класса вообще. В крупной металлургии осуществляли организацию и проявляли активность рабочие, выполнявшие тонкую и сложную, требовавшую высокой квалификации работу. Относительно высококвалифицированные и урбанизированные рабочие металлургической промышленности демонстрировали большую воинственность, чем текстильщики, менее образованные и сохранявшие тесную связь с деревней¹⁵.

Этот пример подтверждается анализом процесса развития классового сознания рабочих. Самые квалифицированные и образованные соединяли острейшее чувство недовольства со способностью четко формулировать свои стремления. Именно они приняли на себя главный удар от владельцев предприятий, попытавшихся изменить структуру производства, перейти к более интенсивному темпу работы, подвергнуть рабочих жесткому надзору сверху и, в ряде случаев, ввести новое оборудование, не требующее высокого уровня квалификации. Именно опытные и искушенные пролетарии говорили о чувстве человеческого достоинства, глубоко оскорбленного жестокостью и бессмысленностью порядков на предприятиях России. Именно они выражали наибольшее неуважение и презрение к заводской администрации, возмущение унижительной процедурой публичных проверок на венерические заболевания, несоблюдением норм элементарной гигиены, правил безопасности труда, ухудшением положения с жильем. Именно для них изменения политических, социальных и экономических отношений были наиболее желаемы. В то же время, более образованные рабочие были способны отвлечься от конкретных обид - на своего мастера или администрацию, - прийти к общему анализу системы, которая их угнетала. Именно у высококвалифицированных рабочих была четче развита способность к независимому мышлению и инициативе. Они, имеющие самые глубокие корни в промышленности и городской среде, сформировали мощнейшее чувство осознания себя как класса, выработали определенные интересы и цели. Более того, их способность наполнять смыслом затруднительное положение рабочих и формулировать причины их недовольства играла важную роль в мобилизации новых отрядов рабочего класса. По словам рабочего из партии эсеров «агитатор-самоучка говорил о том, о чем думал каждый рабочий, но будучи менее образованным, тот был неспособен облечь свои мысли в слова. После каждого слова рабочие восклицали: "Так! Именно так! Это как раз то, что я хотел сказать!"»¹⁶

Рабочие, способные формулировать идеи и обладающие необходимым для участия в политической жизни минимумом свободного времени, составляли ядро активистов рабочего движения. Именно они создавали профсоюзы после их легализации в 1906 г. Они оставались ядром профсоюзной организации в течение многих лет репрессий и упадка, даже когда членство в них давало не значительную выгоду, а существенный риск дискриминации со стороны работодателей. Несмотря на очевидное сочувствие меньшевистской умеренной позиции, они никогда не придерживались идеи ненужности подпольной партии. В последние перед войной годы большевистская "Правда" имела гораздо больше сторонников, чем орган меньшевиков - "Луч". В самом крупном профсоюзе - рабочих-металлистов Петербурга - лидерство меньшевиков было утеряно в 1913 г. И среди ведущих кадров практически всех отраслей промышленности существовала явная тенденция к замене меньшевистских лозунгов сотрудничества с либералами на четко очерченные, понятные всем лозунги большевиков.

75

Советские историки, как мы уже убедились, считали, что не уровень жизни и не особое положение рабочих "от сохи" отличали российский пролетариат от западного. "Авангардом мирового рабочего движения" его делала "партия нового типа". Наличие дисциплинированной, сплоченной и идеологически подкованной марксистской партии, ведущей рабочий класс к революции, чужавшейся тред-юнионистского реформизма, в конечном счете, сформировало эту особенность. Однако картина, возникающая из-под пера ревизионистов, подвергает сомнению этот тезис. Они не отрицают, что социал-демократы способствовали внедрению в сознание рабочих таких международных символов солидарности, как 1 мая, помогли в создании рабочих организаций. Не отрицают они и роста популярности большевистских лозунгов и стратегии по сравнению с меньшевистскими. Отличие их концепции - в оценке характера, размера и источников влияния интеллигенции вообще и большевистского влияния — в частности. Ограниченность в средствах, очень плохая связь внутри партии, постоянные полицейские

преследования - все это сильно снижало ту роль, которую партия могла бы играть¹⁷. Только что зародившиеся организации - профсоюзы, страховые советы, рабочие клубы, в которых чувствовалось влияние большевиков, - были еще слишком слабы, чтобы играть решающую роль в волне стачек 1912-1914 *гг.* Только в 1912 г. партия стала полностью независимой организацией. Только тогда члены партии начали идентифицировать себя с тем или иным крылом, и лишь меньшинство беспартийных рабочих видело разницу между большевиками и меньшевиками. Для них подписаться под воинственными лозунгами "Правды" не значило принимать линию партии по всем вопросам, а еще менее того - придерживаться точки зрения Ленина. Даже уклоняясь влево, профсоюзные активисты относились враждебно к ленинской непримиримой фракционности. Радикализм рабочих не был порожден яростными демаршами лидеров большевиков против тред-юнионизма. Он был результатом жизненного опыта самих рабочих. Большевицкий максимализм был выражением их разочарования. И влияние большевиков перед войной было скорее не причиной, а следствием радикальных настроений рабочего класса.

Консенсус среди историков-ревизионистов, изучающих русский рабочий класс, был достигнут в том, что чрезвычайная воинственность рабочего класса в России не может быть в равной степени объяснена ни трудным положением рабочих, ни преобладанием среди них выходцев из деревни, ни руководством со стороны партии большевиков. Ключ к объяснению, считали они, не в этом, он - в политической обстановке в царской России. Политика самодержавия фактически исключала появление умеренного рабочего движения реформистского толка. Хотя в 1905-1906 *гг.* правительство в принципе признало право на создание профсоюзов и на стачку (только в оборонительных целях), это впоследствии породило множество препятствий на пути эффективных коллективных выступлений и переговоров. Создание общенационального союза запрещалось, профсоюзы постоянно закрывались по техническим причинам. Профсоюзные активисты обвинялись работодателями и жандармами в ведении подрывной деятельности и рисковали попасть в черный список и быть арестованными. Даже наиболее значительные профсоюзные организации могли привлечь лишь небольшие группы рабочих в свои ряды. Работодатели отказывались признавать их право вести переговоры и часто обращались к государству за военной поддержкой против рабочих выступлений, как в случае с забастовкой на Ленских приисках в 1912 г. В результате, несмотря на довольно сильное оружие в виде переговоров, которое предвоенный бум дал квалифицированному рабочему, пролетарии постоянно терпели поражения в стачечной борьбе. Вера в коллективные переговоры не могла пустить корни. При каждом повороте событий оказывалось, что рабочие выступают против государства. Не требовалось тщательного анализа, чтобы сделать вывод: экономические нужды могли быть устранены только путем достижения политических изменений. Самодержавие не оставляло возможностей для выражения интересов рабочего класса через реформистские или неполитические организации.

Не могли интересы рабочего класса соблюдаться и посредством избирательного закона. Полномочия Думы, строго ограничиваемые с самого начала, были еще больше урезаны в 1907 г. Более того, политические партии рабочего класса оставались на нелегальном положении до самого конца, и на выборах в IV Думу в 1912 г. рабочие были представлены 13 депутатами из общего числа 415. Наблюдались признаки того, что депутаты от социал-демократов начинали замещать эмигрантов-революционеров в роли центра революционного движения, появлялись первые попытки взаимодействия между депутатами-меньшевиками и либералами. Но эти нежные цветы парламентской политики не могли расцвести в обстановке самодержавия. Так же, как практика регулирования режимом отношений в

76

промышленности мешала появлению умеренного профсоюзного движения, его политическая платформа препятствовала появлению реформистской партии, подобной социал-демократической партии в Германии.

Акцентируя внимание на важном значении атмосферы репрессий и подавления, ревизионисты не подразумевали под этим, что рабочие движения должны неизбежно входить в умеренное русло и признавать основополагающие законы капитализма. Этот процесс не был гладким и на Западе. В последние предвоенные годы Британия, Германия и, в меньшей степени, Франция переживали драматический рост воинственности трудящихся масс. Умеренное социалистское и тред-юнионистское руководство, оформившееся в конце XIX в., оказалось под сильнейшим давлением снизу. Квалифицированные рабочие, подвергавшиеся такой же угрозе "дисквалификации", что и их русские собратья, начинали, объединившись с неорганизованными до тех пор рабочими на крупных предприятиях, испытывать потребность

бросить вызов осторожности и осмотрительности прежнего движения ремесленников. Более того, последствием войны стала не готовность рабочего класса на Западе к интеграции в парламентскую демократию, а революционный подъем в большинстве стран Центральной Европы и появление массовых коммунистических партий, соперничавших с социалистами в самых развитых странах на континенте. То, что эти радикальные настроения сдерживались, можно поставить скорее в заслугу прочности позиций государства на Западе, и вместе с тем - сплоченности и подвижности антисоциалистических групп среди среднего класса и крестьянства, чем какой-либо естественной для рабочего класса тенденции к "интеграции" и сдерживанию его устремлений.

Согласно ревизионистской точке зрения, вследствие этого, нигде, кроме Западе, появление эффективно действующих профсоюзов и умеренного политического представительства для рабочих не могло примирить радикальные группы рабочих с капитализмом. Но такие институты определенно могли оказывать сдерживающее воздействие на некоторые группы рабочих. Они могли бы создать основу для более широкого парламентского взаимодействия между представителями рабочего класса и политиками-либералами и очертить рамки, в которых апелляция к национализму и усилия реформаторов в области религии, образования и других могли бы иметь больший эффект в сдерживании и обуздании настроений рабочих. Они могли бы способствовать ускорению разрыва между умеренным и радикальным крылом рабочего движения, выступавшим с резкой критикой стабилизации на Западе после Первой мировой войны. Политическая система царизма и была тем решающим фактором, который порождал отличие поведения рабочих России и Западе. И, вследствие этого, перспективы вступления рабочего класса на реформистский путь в предвоенные годы зависели от возможностей либерализации политической системы.

С начала 1990-х дебаты вокруг дореволюционного рабочего класса пережили новый драматический поворот. Это был один из множества идеологических отзвуков на распад СССР и КПСС. Результатом стало разрушение марксизма-ленинизма как приемлемой исторической концепции и лишение прочной основы представлений о рабочем классе, прокладывающем путь, по которому должно пойти все человечество. В то же время, для приверженцев традиционного западного подхода результатом распада СССР стал взрыв интереса к их идеям. В конце концов, не они ли сводили до минимума значение рабочего класса, отвергали тот постулат, что русский рабочий класс выступал как независимая и политически сознательная сила и подвергали сомнению идею, что однажды рабочие всего мира последуют за ним? Но наиболее интересным представляется переосмысление, происходящее в стане историков-"ревизионистов".

С одной стороны, и для них крах советского эксперимента прочертил линию на песке: он сократил до оптимальных размеров историческое значение промышленного рабочего класса. На постиндустриальном Западе промышленная рабочая сила уже была в состоянии упадка - и пропорционально числу всего работающего населения, и как единая и сплоченная сущность. И вот единственный переворот, который должен был осуществиться руками рабочего класса, "самое близкое приближение в истории к пролетарской революции"⁸, потерпел фиаско. В результате встал вопрос о самой концепции "рабочего класса" не только как ключевой исторической фигуры, но и как исторической реалии даже среди тех, кто посвятил десятилетия исследованию рабочего вопроса. Что усугубляло кризис веры, так это влияние постмодернистских идейных течений, и особенно тот основной акцент, который делался на значении речи и субъективного в объяснении человеческого поведения и поступков. Это вело к призывам ревизионистов к резкому смещению акцентов от анализа социально-экономических условий и "объективного" опыта к преимущественному изучению ментального мира, системы ценностей, объяснительных парадигм, формирующих челове-

77

ческое сознание. Стивен Смит, британский автор лучшего "ревизионистского" исследования о петроградских рабочих в период революции, предлагает "освободиться от исключительного отношения к социальным группам", определить "ту степень, до которой формирование классов происходит дискурсивно", делать больший акцент на созидательную силу идей, восприятия, рассуждений¹⁹. Призывая к тому же, другой ведущий ревизионист, американский историк, изучающий проблему революционного движения на Кавказе, Рональд Суни сожалеет, что не уделял должного внимания культурным и дискурсивным элементам и осуждает себя за резкий тон своих работ и приверженность к "материалистическим объяснениям".

В течение более двух десятилетий ревизионисты подвергали критике традиционный

западный подход за преувеличение влияния на рабочих радикально настроенной интеллигенции и воздействия как легальных, так и нелегальных рабочих и социалистических организаций. Они осуждали традиционных историков за их отношение к рабочим, как к детям, игрушкам в руках интеллигенции, легко манипулируемым и подвергавшимся "промыванию мозгов" со стороны фанатичной социалистической пропаганды. Они настаивали на том, что радикализм и боевой дух рабочих были напрямую связаны с их собственным опытом. Этим можно объяснить почему они восприняли именно социалистические идеи, а не другие, альтернативные, предлагаемые церковью и государством, работодателями и Зубатовым, либералами и дешевой прессой. Короче говоря, ревизионисты делают акцент на том, что не влияние идей, принесенных извне, радикализировало настроения рабочих. Это был, скорее, естественный бунт, возглавляемый наиболее образованными и грамотными среди них, против оскорбления их достоинства и ожиданий, в условиях растущей уверенности, основанной на здравом смысле, что за жестокими, звериными порядками на предприятиях стоит самодержавное государство. Более детальное изучение тех путей, по которым развивались кругозор, ценности и язык промышленных рабочих, может в действительности углубить наше понимание их поведения и поступков. Но перед тем, как мы расстанемся с основными выводами нового поколения, нужно увидеть, наряду с обещаниями серьезного анализа, и их ограниченность. В противном случае существует опасность, что в то время, как ревизионисты забивают последний гвоздь в гроб искажающей действительность традиционной западноевропейской историографии, ее идеи вновь обретут популярность.

Идейное отступление имеет важное значение, поскольку даже выдающиеся ревизионисты демонстрируют свой отход от старых концепций, принимая точку зрения Суни о том, что «структуры и социальное положение, или даже "опыт", сами по себе не приводят в действие и не создают значения», и следуют его рекомендациям о том, что историки рабочего движения должны вернуться к более ранним исследованиям о революционной интеллигенции и подтвердить, насколько сильно использование ею языка класса повлияло на моральный и культурный мир рабочих²¹. Возникает опасность, что ревизионисты откажутся от основной своей позиции и прекратят затянувшиеся нападки на традиционную западную концепцию. Существует также угроза реставрации идей о том, что критической составляющей русской революции, ключевым фактором, уведшим Россию с "западного" пути конституционного и капиталистического развития, были не политические, социальные и экономические условия, но относительно автономный мир идей, основой которого была пропаганда социалистов-интеллигентов. Как только ревизионисты сделают этот шаг, они обнаружат, что вся их новая интерпретация событий 1917 г. распадается на части. Они поставят под вопрос свои же утверждения о том, что для осознания политических итогов революции необходимо изучать общественное движение, рассматривать революцию "снизу". В конце концов, они придут к поддержке тех самых взглядов, которые они так яростно отрицали, той концепции, к которой недавно вновь обратился историк, защищающий все то, что ревизионисты отвергают - Ричард Пайпс. Обнаружится, что они вынуждены будут согласиться с большинством его аргументов, приведенных в его недавнем исследовании о революции, и в особенности с его настойчивыми утверждениями, что «отношения, а не институты или "объективные" экономические и социальные реалии определяют политический курс», и что "революция была результатом не невыносимых условий жизни, а непримиримых отношений"²². Таким образом, существует опасность, что ревизионисты под влиянием распада СССР, политического преобладания правых на Западе и постмодернистских течений в исторической науке позволят дезориентировать себя, подорвать уверенность в выдающихся достижениях своих исследований и вдохнуть новую жизнь в дискредитировавший себя взгляд на революцию.

78

Примечания

¹ См., напр., новый материал о различных партиях и деятелях в: Политические партии России. Конец XIX - первая треть XX века. Энциклопедия / Под ред. В. В. Шелохаева и др. М., 1996; Figes O. A. People's Tragedy The Russian Revolution 1899-1924. L., 1996

² Бурджалов Е. Н. Вторая русская революция: Восстание в Петрограде. М., 1967; Волобуев П. В. Пролетариат и буржуазия России в 1917 году. М., 1964; Старцев В. И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905-1917 гг. Л., 1977

³ Один из последних примеров ортодоксального советского подхода см.: Исторический опыт трех российских революций. В 3. т. М., 1985-1987

⁴ См., напр.: Shapiro L. 1917 The Russian Revolutions and the Origins of Present' Day Communism. Hounslow, 1984

⁵ См., напр.: Smith S. Red Petrograd Revolution in the Factories. 1917-1918. Cambridge, 1983; Wildman A. N. The End of the Russian Imperial Army. 2 vols. Princeton, N. Y., 1980, 1987; Figes O. Peasant Russia. Civil War. The Volga Countryside in Revolution (1917-1921). Oxford, 1989

⁶ См., напр.: Иоффе Г. З. Великий Октябрь: трансформация советологических концепций и его классово-политическая суть // Вопросы истории КПСС, 1985, № 6, С. 72-86; Булдаков В. П., Скворцова А. Ю. Пролетарские массы и Октябрьская революция. (Анализ современной западной историографии)//История СССР, 1987, № 5, С. 149-163

⁷ Koenker D. P. Moscow Workers and the 1917 Revolution. Princeton, N. Y., 1981, Raleigh D. J. Revolution on the Volga: 1917 in Saratov Ithaca, 1985, Suny R. The Baku Commune 1917-1918. Class and Nationality in the Russian Revolution. Princeton, N. Y., 1972, Ezergailis A. The 1917 Revolution in Latvia. Boulder. Cal., 1974

⁸ Aspleby I, Hunt L., Jacob M. Telling the Truth about History. N. Y., 1994

⁹ Russian Review. 1994, N 53. P V-VI

¹⁰ См., напр.: Рабочий класс России 1907 - февраль 1917 г / Под ред. В. Я. Лаверычева и др., М, 1982

¹¹ Краткое изложение наиболее влиятельных традиционных западных представлений о предвоенных социально-экономических течениях см.: Gerschenkron A. Agrarian Policies and Industrialization in Russia 1861-1917 // Cambridge Economic History of Europe / Ed by Postan M. M. and Habakkuk H. J. Cambridge 1965, VI Pt 2 P 706-800

¹² См., напр., Haimson L. The Problem of Social Stability in Urban Russia 1905-1917 // Slavic Review 1964, N 23, P 619-642, 1965, N 24 P 1-22, Bate J. H. St. Petersburg Industrialization and Change L, 1976, Zelnik R. Russian Rebels. An Introduction to the Memoirs of the Russian Workers Semen Kanatchikov and Matvei Fishei // Russian Review. 1976 N35, Engelstein L Moscow, 1905 Working-Class Organization and Political Conflict Stanford, Calif, 1982, Koenker D. Op. cit, Smith S. A. Op. cit, Bonnell V. E. Roots of Rebellion Workers Politics and Organizations in St. Petersburg and Moscow 1900-1914 Berkeley Calif, 1983, Mandel D. The Petrograd Workers and the Fall of the Old Regime L 1983, Swain G Russian Social Democracy and the Legal Labour Movement L, 1983, The Workers Revolution in Russia 1917 The View from Below/Ed by Kaiser D. H. Cambridge, 1987, McDaniel T Autocracy Capitalism and Revolution in Russia Berkeley Calif & L, 1988, Surh GD 1905 in St Petersburg Labor, Society and Revolution Calif, 1989. McKean R. St Petersburg Between the Revolutions Workers and Revolutionaries, June 1907 - February 1917 New Haven & L, 1990

¹³ См.: Geary D. European Labour Protest 1848-1939. L, 1981. P 90-126

¹⁴ Zelnik R. Russian Workers and the Revolutionary Movement // Journal of Social History. 1972. N 6. P 214-236

¹⁵ Bonnell V. E. Op. cit. P 427-438; Rosenberg W. G. Workers and Workers' Control in the Russian Revolution // History Workshop 1978 N5 P 89-97; Smith S. A. Craft Consciousness Class Consciousness Petrograd 1919//History Workshop. 1981. N 11. P 33-58

¹⁶ Mandel D. Op. cit. P 16

¹⁷ Edwood R. C Russian Social Democracy in the Underground. A Study of the RSDLP in the Ukraine, 1907-1914 Assen, 1974. P 237-240

¹⁸ McDaniel T. Op. cit. P 407

¹⁹ Smith S. Writing the History of the Russian Revolution after the Fall of Communism // Europe-Asia Studies. 1994. N 46. P 563-578

²⁰ Suny R. G. Revision and Retreat in the Historiography of 1917: Social History and Its Critics // Russian Review. 1994. N 53. P 165-182

²¹ Ibid

²² Pipes R. The Russian Revolution, 1899-1919. L, 1990, P. 51, 7